

глава 3

ЗА КОД И СТРАНУ: ГРАЖДАНСКИЕ ХАКЕРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ксения Ермошина

Я не назвал бы это революцией. Это скорее про приведение всей системы в равновесие. Если использовать техническую метафору, сегодня в России некоторые процессы в системе настолько тяжелые, что другим просто не хватает ресурсов, чтобы нормально работать. Как IT-специалисты, мы, так сказать, пытаемся почистить кэш и перезапустить систему, но не без разрушения всего.

Алексей П., ученый-компьютерщик, разработчик

Когда в 2010 г. в Подмосковье начались лесные пожары, государственные службы оказались не способны оперативно отреагировать на чрезвычайную ситуацию, а официальные средства массовой информации либо просто замалчивали событие стихийного бедствия, либо преуменьшали его масштабы. Бездействие властей привело к формированию онлайн-сообщества, которому удалось справиться с кризисом гораздо более эффективно [Asmolov 2010]. Разработав интернет-приложение на базе известной платформы

визуализации данных Ushahidi, группа программистов, блогеров и активистов помогла тысячам жертв лесных пожаров, успешно координируя работу волонтеров по всей России и консолидируя их в самоорганизованное сообщество [Machleder, Asmolov 2011]. Это приложение со 170 000 уникальных пользователей стало первым массовым гражданским приложением в России и запустило волну аналогичных проектов, призванных реагировать на важные проблемы в политической, социальной и экономической сферах с помощью программистов-добровольцев и технологий краудсорсинга.

Только за 2012 г. в России было разработано 272 гражданских приложения¹. В США и Европе проекты по разработке цифровых гражданских сервисов, как правило, входят в программы «открытого правительства» и в основном спонсируются государством [Euler-Werve, Carlson 2012], в России же инициативы гражданских хакеров стартовали как эксперименты без государственной поддержки; это низовые инициативы, опирающиеся на совместную работу сотен волонтеров — программистов, дизайнеров, ученых-компьютерщиков и активистов. Российские гражданские хакеры верят, что программирование — это способ «починить систему» без государственной поддержки.

Разобраться в причинах этого энтузиазма тем более интересно с учетом специфики социального и политического контекста современной России, где, как указывают многие политические и культурные комментаторы, господствуют апатия и недоверие по отношению к традиционным формам политической активности [Ерпылева, Магун 2014; Хархордин 2011; Zhuravlev, Savelyeva, Egruleva 2014]. Однако это не относится к российским гражданским хакерам. Они осознают недостатки российского правительства, прекрасно осведомлены о проблемах коррупции, неэффективности работы городских служб и фальсификациях на выборах, активно обсуждают политику онлайн и даже выдвигают идеи по созданию партии «гиков»². Они отказываются участвовать в традиционных

формах протеста, таких как митинги, забастовки и сборы подписей, считая их неэффективными³. Вместо этого они пытаются изобретать, конструировать и экспериментировать с новыми инструментами — гетерогенными «сборками», в которых сочетаются элементы программного кода и правовые нормы, — стараясь «дोвести их до ума» и реализовать заложенный в них потенциал для борьбы с политической апатией и улучшения повседневной жизни российских граждан.

Тем не менее было бы неправильно видеть в гражданских хакерах революционеров или активистов-радикалов. Фраза, подсмотренная на одном программистском форуме, — «Революционеры нам не нужны. Нам нужна легитимность!»⁴ — вполне могла бы стать девизом этого движения. Гражданские хакеры действуют исключительно в рамках закона, разрабатывая приложения как техноюридические инструменты, задача которых — повысить прозрачность правительства и заставить муниципальных гражданских служащих уважать закон. Парадокс заключается в том, что само требование прозрачности в российском контексте является радикальным актом. Надеясь граждан способностью наблюдать за деятельностью администрации и контролировать ее, гражданские приложения вызывают сильную и неоднозначную реакцию со стороны государственных институций, которая может варьироваться от открытой враждебности до сотрудничества⁵.

Российское движение гражданских хакеров — это сложная и изменчивая сеть, соединяющая людей, машины, сервера и сетевые инфраструктуры, общественные организации и административные институты. Для нее характерна высокая децентрализация с несколькими активными центрами (IT-сообщества и специализированные НКО) при отсутствии головной организации. Как выразился один из информантов, слова которого приведены в эпиграфе к этой главе, российское движение гражданских хакеров — «не революция», и к этому замечанию необходимо отнестись всерьез,

чтобы избежать любых романтических, нигилистических и максималистских коннотаций в терминах «хакер» и «гражданский». Прежде всего в данном контексте «хакерство» никак не связано с программированием сложных систем, изобретением новых компьютерных языков или совершением киберпреступлений. Здесь под хакерством понимаются игра и эксперимент — в смысле, близком к французскому *bricolage* или русскому слову «смекалка», образованному от глагола «смекать», т. е. «понимать». Русские считают, что смекалка — это присущее им качество, часть их «национального характера». Она часто упоминается в сказках, где оказывается почти сверхъестественной силой, помогающей героям находить выход из очень непростых ситуаций, используя лишь подручные средства. В этом смысле гражданские хакеры — это люди, способные быстро придумать оригинальное, умное и дешевое решение социальной проблемы с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)⁶.

Как я покажу чуть ниже, гражданские приложения часто основаны на интеграции уже существующих платформ и повторном использовании уже написанных текстов (в частности, юридических) и фрагментов кода. Полезные и популярные гражданские приложения успешно транслируют чувство социальной несправедливости («беспокойства», *trouble*)⁷ в общественную проблему и затем подбирают для нее подходящее техноюридическое решение. Российское движение гражданских хакеров не ограничивается только «гиками». В отличие от компьютерных наук, куда сложно попасть, не имея технической подготовки, движение гражданских хакеров — гибридная область, где эксперты в различных сферах (в том числе нетехнических) способны внести свой вклад в разработку программного обеспечения: это могут быть активисты общественных организаций, юристы, журналисты, урбанисты, иначе говоря, те, кого Гарри Коллинз и Роберт Эванс называют «экспертами на основе опыта» [Collins, Evans 2002]. Таким образом, то, что

Коллинз называет «основой» (*the core-set*), становится более открытым для новых публич, ранее не имевших доступа к информатике и программированию⁸. Все изученные мной российские гражданские приложения являются результатами совместной деятельности технических и общественных экспертов. В их разработке принимают участие любители, бета-тестировщики, рецензенты и активные пользователи, которые помогают совершенствовать новые приложения, делясь своим пользовательским опытом, оставляя отзывы и оценки, и занимаясь программированием как волонтеры. Несмотря на то что возникающие в результате новые сети ориентированы на решение конкретных проблем, их влияние оказывается значительно шире: они перестраивают российское гражданское общество, помогают преодолеть изоляцию, в которой часто пребывают технические специалисты, и повышают компьютерную грамотность гражданских активистов.

В этой главе описывается российское движение гражданских хакеров и их практики, а также противоречия и ограничения этого движения. Вопреки распространенному представлению, что в современных обществах на любой случай найдется цифровое приложение, зачастую дело обстоит наоборот, а русские ученые-компьютерщики и программисты, занимающиеся разработкой гражданских сервисов, далеко не всегда добиваются существенных социальных изменений с помощью этих цифровых инструментов. И все же, хотя и не все гражданские приложения становятся успешными, в России сообщество гражданских хакеров оказывает большое влияние как на общество, так и на компьютерные науки. Широкое распространение различных проектов по разработке гражданского ПО позволяет рассматривать Россию как политическую лабораторию, в которой экспериментируют гражданские хакеры, предлагая новые технические решения и сотрудничая с политическими движениями нового формата. Так, например, два самых популярных гражданских

приложения были запущены и финансируются главным антагонистом Путина — Алексеем Навальным⁹. За последние пять лет этому движению удалось создать активное и успешное сообщество активистов, разработчиков, дизайнеров, «гиков» и юристов, которые участвуют в создании ценности, обмениваются опытом, несут код в массы и вовлекают программистов в общественную жизнь.

ПРОГРАММИСТЫ-КОЧЕВНИКИ: МЕЖДУ РОДИНОЙ И «ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕЙ»

Если зарубежные диаспоры русских ученых-компьютерщиков, как кажется, возвращаются к своей «русскости», то российские гражданские хакеры обращаются к транснациональной культуре движения за свободное и открытое программное обеспечение (FOSS)¹⁰, не имеющего национальных границ и идентичности. Языки программирования считаются своего рода универсальной грамматикой, благодаря которой можно решить любую проблему: «Весь мир, говорящий на одном языке, — вот в чем сила цифрового кода» [Joysе 2010]. Многие российские гражданские хакеры, с которыми я общалась, связывают свои надежды с культурой свободного и открытого ПО. Виталий В., организатор ежегодного петербургского хакатона „Spb Data Hack“ и ученый-информатик в университете ИТМО, считает, что сама идея использовать код для решения общественных проблем обязана своим появлением этой культуре. Он ссылается на работу Дона Тэпскотта и Энтони Уильямса «Викиномика» [Tapscott, Williams 2006], вдохновившую его на то, чтобы самому стать гражданским хакером: «Она про краудсорсинг и про то, как большое количество людей может решить твои проблемы, когда ты делишься с ними своими знаниями и проблемами. То есть это именно книга про открытость. Про

открытые инновации, про открытое мышление. С тех пор как я прочитал эту книжку, меня стала интересовать тема гражданской активности в разных сферах»¹¹. Большинство проектов по созданию гражданских приложений создавались децентрализованными командами, которые не имели физического офиса или постоянного рабочего места — в интервью Вячеслав К., разработчик приложения «РосЯма», назвал их «виртуальными командами». Все свои интервью я проводила в кафе или коворкингах, за исключением интервью с членами команды Алексея Навального. Программисты подчеркивают, что предельная мобильность и независимость от физического местонахождения является положительным трендом, который они противопоставляют консерватизму и стагнации российского общества. Таким образом производится особое «воображаемое», в котором российская администрация с ее медленными и сложными процедурами противопоставляется «новому» глобальному обществу без границ, где люди, объекты, навыки и идеи циркулируют так же свободно, как программный код в культуре свободного и открытого ПО, а современные удобные приложения противостоят бесконечной бумажной волоките российской бюрократии:

Я жалею своих родителей, которые увязли в этих условиях [они живут в Брянске]. Там нет ничего. Когда я навещаю их, они рассказывают, что там не происходит ничего нового. И мне немного стыдно говорить им о своих поездках в США, Таиланд или на Бали... Я думаю, что жизнь в [русской] провинции — это ад. И моя цель — показать на своем собственном примере, как люди живут в современном мире, как можно работать без привязки к определенному месту, это невероятная свобода, можно быть где угодно и работать из любого места (Татьяна, UX-дизайнер, «Web-Наблюдатель»).